

Сэй Сёнагон

Записки у изголовья

Ёсисигэ-но Ясутанэ

*Записки из беседки
над прудом*

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
С 97

Перевод со старояпонского
Веры Марковой, Виктора Сановича
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-25608-8

© В. Н. Маркова, перевод, 2024
© В. С. Санович (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Сэй Сёнагон

Записки у изголовья

* * *

Весною — рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом — ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя — необыкновенно красиво.

Осенью — сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, — какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад...

Зимою — раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, — так и чувствуешь зиму! К полудню холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

Времена года

У каждой поры своя особая прелесть в круговороте времен года. Хороши первая луна, третья и четвертая, пятая луна, седьмая луна, восьмая и девятая, одиннадцатая и двенадцатая.

Весь год прекрасен — от начала до конца.

Новогодние празднества

В первый день Нового года радостно синеет прояснившееся небо, легкая весенняя дымка преобразует все кругом.

Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем, поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав. Как густо они всходят, как свежо и ярко зеленеют даже там, где их обычно не увидишь, внутри дворцовой ограды!

В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку подбросило на пороге. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются... Слышен веселый смех.

Помню, как я первый раз поехала посмотреть на шествие «Белых коней».

За воротами возле караульни Лево́й гвардии толпились придворные. Они взяли луки у телохранителей, сопровождающих процессию, и стали пугать коней звоном тетивы.

Из своего экипажа я могла разглядеть лишь решетчатую ограду вдали, перед дворцом. Мимо нее то и дело сновали служанки и камеристки.

«Что за счастливицы! — думала я. — Как свободно они ходят здесь, в высочайшей обители за девятью воротами. Для них это привычное дело!»

Но на поверку двory там тесные. Телохранители из церемониальной свиты прошли так близко от меня, что были видны даже пятна на их лицах. Белила наложены неровно, как будто местами стаял снег и проступила темная земля...

Лошади вели себя беспокойно, взвизвали на дыбы. Поневоле я спряталась от страха в глубине экипажа и уже ничего больше не увидела.

На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю.

Пятнадцатый день — праздник, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния».

В знатных домах все прислужницы — и старшие, почтенные дамы, и молодые, — пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлопнуть друг друга, посматривая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них самый потешный!

Вдруг хлоп! Кто-то не уберется, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует.

Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме ее родителей, собирается утром пятнадцатого дня отбыть во дворец. Эту минуту и караулят женщины. Одна из них притаилась в дальнем углу. В любом доме найдется такая, что повсюду суется первой. Но другие, оглядываясь на нее, начинают хихикать.

— Тс, тихо! — машет она на них рукой.

И только юная госпожа, словно бы ничего не замечая, остается невозмутимой.

— Ах, мне надо взять вот это! — выскакивает из засады женщина, словно бы невзначай подбегает к юной госпоже, хлопает ее мешалкой по спине и мгновенно исчезает. Все дружно заливаются смехом.

Господин зять тоже добродушно улыбается, он не в обиде, а молодая госпожа даже не вздрогнула, и лишь лицо ее слегка розовеет, это прелестно!

Случается, женщины бьют мешалкой не только друг друга, но и мужчину стукнут.

Иная заплачет и в гневе начнет запальчиво укорять и бранить обидчицу:

— Это она, верно, со зла...

Даже во дворце государя царит веселая суматоха и строгий этикет нарушен.

Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом, все равно в императорский дворец стекается тол-

па чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие свои достоинства.

Откуда им знать, что юные насмешницы после безжалостно передразнивают и вышучивают их?

— Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! — просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

* * *

В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях.

Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья — и конец очарованию. До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе. А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд... Чудесная картина!

* * *

Прекрасна пора четвертой луны во время праздника Камó. Парадные кафтаны знатнейших сановников, высших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более темному

или более светлому. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца. Так и веет прохладой!

Негустая листва на деревьях молодо зеленеет. И как-то невольно залюбуешься ясным небом, не скрытым ни весенней дымкой, ни туманами осени. А вечером и ночью, когда набегут легкие облака, где-то в отдаленье прячется крик кукушки, такой неясный и тихий, словно чудится тебе... Но как волнует он сердце!

Чем ближе праздник, тем чаще пробегают взад и вперед слуги, неся в руках небрежно обернутые в бумагу свертки шелка цвета «зеленый лист вперемешку с опавшим листом» или «индиго с пурпуром». Чаще обычного бросаются в глаза платья причудливой окраски: с яркой каймой вдоль подола, пестрые или полосатые.

Молодые девушки — участницы торжественного шествия — уже успели вымыть и причесать волосы, но еще не сбросили свои измятые, заношенные платья. У иных одежда в полном беспорядке. Они то и дело тревожно кричат: «У сандалий не хватает завязок!», «Нужны новые подметки к башмакам!» — и хлопотливо бегают, вне себя от нетерпения: да скоро ли наступит долгожданный день?

Но вот все готово! Непоседы, которые обычно ходят вприпрыжку, теперь выступают медленно и важно, словно бонза во главе молитвенного шествия. Так преобразил девушек праздничный наряд!

Матери, тетки, старшие сестры, парадно убранные, каждая прилично своему рангу, сопровождают девушек в пути. Блистательная процессия!

Иные люди годами стремятся получить придворное звание куродо, но это не так-то просто. Лишь в день праздника дозволено им надеть одежду светло-зеленого цвета с желтым отливом, словно они настоящие куродо. О, если б можно было никогда не расставаться с этим одеянием! Но, увы, напрасные потуги: ткань, не затканная узорами, выглядит убого и невзрачно.

* * *

Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова несхожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины.

Простолюдины любят прибавлять к словам лишние слоги.

Немногословие прекрасно.

* * *

Отдать своего любимого сына в монахи, как это горестно для сердца! Люди будут смотреть на него, словно на бесчувственную деревяшку.

Монах ест невкусную постную пищу, он терпит голод, недосыпает. Молодость стремится ко всему, чем богата жизнь, но стоит монаху словно бы ненароком бросить взгляд на женщину, как даже за такую малость его строго порицают.

Но еще тяжелее приходится странствующему заклинателю — гэндзя. Он бродит по дальним тропам священных гор Митакэ и Куманó. Какие страшные испытания стерегут его на этом трудном пути! Но лишь только пройдет молва, что мо-

литвы его имеют силу, как все начнут зазывать к себе. Чем больше растет его слава, тем меньше ему покоя.

Порой заклинателю стоит больших трудов изгнать злых духов, виновников болезни, он измучен, его клонит в сон... И вдруг слышит упрек: «Только и знает, что спать, ленивец!» Каково тогда у него на душе, подумайте!

Но все это дело глубокой старины. Ныне монахам живется куда вольготней.

* * *

Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы, готовясь принять свою госпожу у себя в доме, перестроил Восточные ворота, поставив над ними высокую кровлю на четырех столбах, и паланкин государыни внесли через этот вход.

Но придворные дамы решили въехать через Северные ворота, где стоит караульня, думая, что в столь поздний час стражников там не будет.

Иные из нас были растрепаны, но и не подумали причесаться. Ведь экипажи подкатят к самому дому простые слуги, а они не в счет.

Но, как на грех, плетенный из пальмовых листьев кузов экипажа застрял в тесных воротах.

Постелили для нас дорожку из циновок. Делать нечего! Мы были в отчаянии, но пришлось вылезти из экипажа и шествовать пешком через весь двор. Придворные и челядинцы собрались толпой возле караульни и насмешливо на нас поглядывали.

Какой стыд, какая досада!

Явившись к императрице, мы рассказали ей о том, что случилось.

— Но ведь и здесь, в глубине покоев, вас могут увидеть люди! Зачем же так распускаться? — улыбнулась государыня.

— Да, но здесь все люди знакомые, они к нам пригляделись, — сказала я. — Если мы не в меру начнем прихорашиваться, многие, чего доброго, сочтут это подозрительным. И потом, кто бы мог ожидать? Перед таким домом — и вдруг такие тесные ворота, экипажу не проехать!

Тут как раз появился сам Наримаса.

— Передайте это государыне, — сказал он мне, подсунув под церемониальный занавес тушечницу императрицы.

— Ах, вы ужасный человек! — воскликнула я. — Зачем построили такие тесные ворота?

— Мое скромное жилище под стать моему скромному рангу, — с усмешкой ответил Наримаса.

— Но построил же некогда один человек низкого звания высокие ворота перед своим домом...

— О страх! — изумился он. — Уж не говорите ли вы об Юй Дин-го? Вот не ожидал, что кто-нибудь, кроме старых педантов, слышал о нем! Я сам когда-то шел путем науки и лишь потому смог понять ваш намек.

— Но здешний «путь» не слишком-то был мудро устроен. Мы все попадали на ваших циновках. Такая поднялась сумятица...

— Полил дождь, что же прикажете делать? Но полно, полно, вашим придиркам конца не будет. — И Наримаса поспешно исчез.

— Что случилось? Наримаса так смутился, — осведомилась государыня.

— О, право, ничего! Я только рассказала ему, как наш экипаж застрял в воротах, — ответила я и удалилась в покои, отведенные для фрейлин.

Я делила его вместе с молодыми придворными дамами.

Нам так хотелось спать, что мы уснули сразу, ни о чем не позаботившись. Опочивальня наша находилась в западной галерее Восточного павильона. Скользящая дверь вела оттуда во внутренние покои, но мы не заметили, что она не заперта.

Наримаса, как хозяин дома, отлично это знал. Он приоткрыл дверь и каким-то чужим, охрипшим голосом несколько раз громко крикнул:

— Позвольте войти к вам, можно?

Я проснулась, гляжу: позади церемониального занавеса ярко горит высокий светильник, и все отлично видно.

Наримаса говорит с нами, приоткрыв дверь вершков на пять. Вид у него презабавный!

До сих пор он никогда не позволял себе ни малейшей вольности, а тут, видно, решил, что раз мы поселились в его доме, то ему все дозволено.

Я разбудила даму, спавшую рядом со мной.

— Взгляните-ка! Видели ли вы когда-нибудь нечто подобное?

Она подняла голову, взглянула, и ее разобрал смех.

— Кто там прячется? — крикнула я.

— Не пугайтесь! Это я, хозяин дома. Пришел побеседовать с вами по делу.

— Помнится, речь у нас шла о воротах в ваш двор. Но дверь в наши апартаменты я вас не просила открывать, — сказала я.

— Дались вам эти ворота! Дозвольте мне войти в ваши покои. Можно, можно?

— Нет, это возмутительно! Сюда нельзя, — со смехом заговорили дамы.

— А! Здесь и молоденькие есть! — И, притворив дверь, он удалился.

Раздался дружный хохот.

Уж если он решился открыть дверь в нашу опочивальню, то надо было пробраться к нам потихоньку, а не испрашивать дозволения во всю силу голоса. Кто бы откликнулся ему: пожалуйста, милости просим? Что за смехотворная нелепость!

На другое утро я рассказала императрице о ночном происшествии.

Государыня молвила с улыбкой:

— Никогда не слышала о нем ничего подобного. Верно, он был покорен твоим остроумием. Право, жаль его! Он жестоко терпит от твоих нападков.

Императрица повелела приготовить парадные одежды для прислужниц маленькой принцессы.

— А какого цвета должно быть, как бишь его, «облачение», что носят они поверх нижнего платья? — осведомился Наримаса.

Общему смеху конца не было.

— Для принцессы обычная посуда не годится. Надо изготовить «махонький» подносик и «махонькие» чашечки, — сказал Наримаса.

— Да, — подхватила я, — и пусть ее светлости прислуживают девушки в этих, как бишь их, «облачениях».

— Полно, не насмешничай, это недостойно тебя. Он человек честный и прямой, — вступилась за него государыня. Как чудесно звучали в ее устах даже слова укоризны!

Однажды, когда я дежурила в покоях императрицы, мне доложили:

— С вами желает говорить господин управитель.

— Что он еще скажет, чем насмешит нас? — любопытствовала императрица. — Ступай поговори с ним.

Я вышла к нему.

Наримаса сказал мне:

— Я поведал брату моему тюнагону историю с Северными воротами. Он был восхищен вашим остроумием и стал просить меня устроить встречу с вами: «Я бы желал при удобном случае побеседовать с нею».

Наримаса не прибавил к этому ни одного двусмысленного намека, но у меня сердце замерло от страха. Как бы Наримаса не завел речь о своем ночном визите, чтобы смутить меня.

На прощанье он бросил мне:

— В следующий раз я погощу у вас подольше.

— Что ему было нужно? — спросила императрица.

Я без утайки пересказала все, о чем говорил мне Наримаса.

Дамы со смехом воскликнули:

— Не такое это было важное дело, чтобы вызывать вас из апартаментов государыни. Мог бы, кажется, побеседовать с вами в ваших собственных покоях.

— Но ведь Наримаса, верно, судил по себе, — заступилась за него императрица. — Старший брат, в его глазах высший авторитет, с похвалой отзывался о тебе, вот Наримаса и поспешил тебя порадовать.

Как прекрасна была государыня в эту минуту!

* * *

Первый день года и третий день третьей луны особенно радуют в ясную погоду.

Пускай хмурится пятый день пятой луны. Но в седьмой день седьмой луны туманы должны к вечеру рассеяться.

Пусть в эту ночь месяц светит полным блеском, а звезды сияют так ярко, что, кажется, видишь их живые лики.

Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются благоуханной влагой, и аромат цветов станет от этого еще сильнее.

А до чего хорошо, когда рано на рассвете дождь кончится, но небо все еще подернуто облаками, кажется, вот-вот снова посыплются капли!

* * *

Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность, выражают свою радостную благодарность.

Распустив по полу длинные шлейфы, с таблицами в руках, они почтительно стоят перед императором. Потом с большим усердием исполняют церемониальный танец и отбивают поклоны.

* * *

Хотя караульня в нынешнем дворце расположена у Восточных ворот, ее по старой памяти называют Северной караульней.

Поблизости от нее поднимается к небу огромный дуб.

— Какой он может быть высоты? — удивлялись мы.

Господин почетный тјодзэ Наринобу пошутил в ответ:

— Надо бы срубить его у самого корня. Он мог бы послужить опахалом для епископа Дзётё.

Случилось так, что епископ этот был назначен настоятелем храма Ямасина и явился благодарить императора в тот самый день, когда господин Наринобу стоял во главе караула гвардии.

Епископ выглядел устрашающей громадиной, ведь он, как нарочно, надел сандалии на высоких подставках.

Когда он удалился, я спросила Наринобу:

— Что же вы не подали ему опахало?

— О, вы ничего не забываете! — засмеялся тот.

* * *

В северо-восточном углу дворца Сэйрэдэн на скользящей двери, ведущей из бокового зала в северную галерею, изображено бурное море и люди

страшного вида: одни с непомерно длинными руками, другие с невероятно длинными ногами. Когда дверь в покои императрицы оставалась отворенной, картина с длиннорукими уродами была хорошо видна.

Однажды придворные дамы, собравшись в глубине покоев, со смехом глядели на нее и говорили, как она ужасна и отвратительна!

Возле балюстрады на веранде была поставлена ваза из зеленоватого китайского фарфора, наполненная ветками вишни. Прекрасные, осыпанные цветами ветви, длиною примерно в пять локтей, низко-низко перевешивались через балюстраду...

В полдень пожаловал господин дайнагón Корэтика́, старший брат императрицы. Его кафтан «цвета вишни» уже приобрел мягкую волнистость. Темно-пурпурные шаровары затканы плотным узором. Из-под кафтана выбиваются края одежд, внизу несколько белых, а поверх них еще одна, парчовая, густо-алого цвета.

Император пребывал в покоях своей супруги, и дайнагон начал докладывать ему о делах, заняв место на узком деревянном помосте, перед дверью, ведущей в покои государыни.

Позади плетеной шторы, небрежно спустив с плеч китайские накидки, сидели придворные дамы в платьях «цвета вишни», лиловой глицинии, желтой керрии и других модных оттенков. Концы длинных рукавов выбивались из-под шторы, закрывавшей приподнятую верхнюю створку небольших ситóми, и падали вниз, до самого пола.

Сэй Сёнагон

С 97 Записки у изголовья / Сэй Сёнагон ; пер. со ст.-яп. В. Марковой. Ёсисигэ-но Ясутанэ. Записки из беседки над прудом / Ёсисигэ-но Ясутанэ ; пер. со ст.-яп. В. Сановича. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25608-8

Однажды камеристка Сэй получила в подарок от императрицы кипу чистой бумаги и стала вести свои «Записки у изголовья», не имея никаких литературных притязаний и иной цели, кроме собственного удовольствия. Как признается сама Сэй Сёнагон, она была очень смущена, когда ее книга получила огласку. Тогда она и представить не могла, какое огромное влияние ее «Записки» окажут на японскую литературу, положив начало новому, чрезвычайно популярному жанру — дзуйхицу («вслед за кистью»), то есть жанру эссе. Теперь же собрание тонких, ироничных, зачастую афористичных дневниковых записей и пейзажных зарисовок Сэй Сёнагон по праву считается жемчужиной японской художественной средневековой литературы.

Изысканность литературной формы, психологическая пронизательность и богатая образность «Записок у изголовья» многих вдохновили на создание новых дзуйхицу. Среди таких последователей можно назвать Ёсисигэ-но Ясутанэ — как и Сэй Сёнагон, он жил в эпоху Хэйан. Его «Записки из беседки над прудом» — маленький гимн частной жизни в уединенном доме, ограждающем своих обитателей от невзгод и соблазнов многолюдной столицы. Неспешная подробность и то, с какой любовью этот ученый муж, наставник принца, живописует свои скромные уголья, садик и пруд с играющими в нем карпами, трогают сердце спустя многие века.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СЭЙ СЕНАГОН
ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ
•
ЁСИСИГЭ-НО ЯСУТАНЭ
ЗАПИСКИ ИЗ БЕСЕДКИ НАД ПРУДОМ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.05.2024.
Формат издания 76 × 100^{1/32}. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШПҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШПҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-АКБ-34579-01-R